

Загадка по имени Аделина Адалис

Она осталась нераскрытой до сих пор. Но наверняка Адалис была искренней, когда писала: «...Мне Туркестан, что Пушкину Кавказ»

Кто была на самом деле эта девушка с египетским профилем и удивительными глазами на угловатом лице, которые всем виделись зелёными, и только Брюсов называл их «неверно-серыми»? Случайным ли ветром войны её занесло в Кыргызстан, и она прожила здесь почти год? Ведь должно быть объяснение тому, почему её «Личное дело» оказалось в партийном архиве Института истории партии при ЦК Компартии Киргизии, ныне Центральном государственном архиве общественно-политической документации КР. Заинтересовавшись знаменитой фамилией Эфрон, Алла Фаридовна Берникова, автор большого труда, который мы предлагаем сегодня читателю, зацепилась за имя Аделина Адалис, потянула за ниточку и вышла

на уникальный документ: личный листок по учёту кадров, где Адалис причислила себя к несуществующей национальности — смешанной (отец — русский, мама, остаётся догадываться, — еврейка). Там же хранятся её автобиография и рукопись её переводов Аалы Токомбаева и других кыргызских поэтов... Нет, будь Аделина Адалис простой служащей, пусть даже командированной Союзом писателей СССР, она не попала бы в архив ЦК. Это, как профессионал, проработавший много лет в этом самом архиве, Алла Фаридовна знает. И Союз писателей Киргизии не пёкся бы так о её жилье и гонораре, будь она простой служащей. Наверняка тот факт, что на неё завели «Личное дело» в ЦК Компартии республики, как-то связан с тем, что значительную часть своей жизни Аделина Адалис моталась по командировкам в качестве корреспондента по республикам Средней Азии и Закавказья, участвовала в комиссии по борьбе с контрабандой при ПогранЧК Нахичеванской автономной области, в проведении кампаний хлебозаготовок, в годы войны — опять-таки в качестве корреспондента не раз бывала на фронте, встречаясь с партизанами и другими боевыми соединениями.

Вопросы, вопросы, вопросы... Непонятно, почему покрыто туманом рождение Адалис: официально значится один город, а она сама называет другой и даже третий... По каким причинам даже близко знавшие её люди — биографы, писатели, литературоведы, путаются, упоминая отрезок её жизни во Фрунзе? Одни пишут, что она находилась в Ташкенте, другие — в Алма-Ате, а третьи — в Туркмении. Очень, очень мало знают о ней и в Кыргызстане, упоминая лишь как «эвакуированную переводчицу» кыргызских поэтов и писателей.

Аллу Фаридовну заинтересовала судьба этой женщины, её трагическая раздвоенность. Складывается впечатление, что, встретив в начале

своего пути опытного ловеласа Валерия Брюсова, очаровавшись им и безоглядно отдав ему сердце, Аделина Адалис потом тяготилась «шлейфом возлюбленной» знаменитого поэта, «пробившего ей дорогу в литературу», и всю жизнь стремилась доказать другим, что она сама по себе многое значит. Как бы то ни было, ещё никто не сказал о Кыргызстане так замечательно, как она:

*Я была в сорок четвёртом на Памире
(Почему, зачем, откуда — суть не в этом),
На Тянь-Шане реки шире,
Там теплей, великодушный ветер летом,
Там в долинах травостойных, знаменитых
У киргизских лошадёнок вид цветущий.
Там зеркальное сверкание на гранитах —
Озаренье от воды мимоидущей!
Осень — яблоч планетарий! Весом — дыньки,
Формой — глобусы какие. Цветом — вишни!
Но казалось издалека в пыльной дымке:
Это розы бледно-розовые пышны.
На Памире — всё другое. Серый холод...*

Читаем Аллу Фаридовну Берникову, отличника архивного дела КР. Думается, её заметки, в которые вылилось длившееся целый год исследование, — настоящий подарок для наших постоянных читателей — ценителей литературных находок.

Кифаят АСКЕРОВА.

«Выхожу азиатской тропой глинобитных столетий...»

XX век — век мировых войн и политических потрясений, которому один поэт дал определение пронзительно-неуютными словами: «Ветер, ветер на всём божьем свете» (А. Блок), другой — восторженными: «Этот юный, прелестный век» (М. Цветаева), а третий заявил: «Земной шар самый, на две раскололся полушарий половины» (В. Маяковский). Серебряный век русской поэзии, «глоток свободы накануне удушья», бурного расцвета и дальнейшего упадка целых поэтических школ, течений и направлений, давших миру прославленные имена: Н. Гумилёв, А. Блок, В. Брюсов, вслед за которыми в поэзию вошли В. Маяковский, А. Ахматова, С. Есенин, М. Цветаева, Б. Пастернак. Поэты первой половины XX века вместе с ним прошли Мировую войну, две революции, Гражданскую войну, голод, нужду, военный коммунизм, выжившим достались репрессивные 1930-е и грозные 1940-е годы; их жизнь была наполнена поэзией, но только некоторые из них навсегда вошли в список поэтов Серебряного века. Одной из представительниц этого времени является Аделина Ефимовна Адалис-Эфрон (Эфрон) — поэт, писатель, переводчик, педагог, литературный критик. Её называли «осколком Серебряного века, его восточным побегом», «101-й поэтессой Серебряного века», её приключенческий роман вышел в серии «Авантюрно-фантастической прозы 1920-х годов», она вошла в энциклопедию «Переводчики поэзии на русский язык» и упоминается в учебнике «История кыргызской литературы XX века», её голос сохранился в записи на фонографе Института живого слова.

В воспоминаниях, публикациях, рецензиях, интернете и в Центральном государственном архиве общественно-политической документации КР встречаются противоречивые сведения и отзывы о её жизни и творчестве: в официальной информации местом рождения везде указан Санкт-Петербург, но в одной автобиографии за 1925 год она написала, что родилась в 1899-м в Литве, в другой, составленной в феврале 1942-го в период проживания во Фрунзе, назвала Одессу. Аделина Алексеевна Висковатова (по рождению) родилась 26 июля 1900-го. Её отца-ремесленника за участие в восстании 1905 года в Петербурге выслали в Сибирь, и он, не дойдя до места ссылки, умер где-то на этапе. Мать-балерина (в биографии — учительница) умерла, как только узнала о смерти мужа. Аделину удочерил Ефим Ефрон — Эфрон (родственник матери), который в начале века проживал в Вене, печатался в русских газетах, занимался переводами с русского и французского на немецкий язык. Аделина начала работать с 13 лет: давала уроки, а также трудилась упаковщицей на фабрике, после революции назначена инструктором народного образования. С ранней юности занималась наукой, литературой, восточной медициной, первые её стихи напечатаны в «Южном огоньке» в августе 1918 года. Входила в кружок «Зелёная лампа» и в «Коллектив одесских поэтов», представлявший собой кафе для всех желающих, платой за вход в который служили книги, которые затем распространялись между рабочими и

красноармейцами, формировались в библиотеку. Многие участники коллектива впоследствии стали известными писателями и переводчиками: Э. Багрицкий (председатель), Ю. Олеша, В. Катаев, В. Ибнер, И. Ильф. Уже под псевдонимом Адалис-Ефрон в 1920-м Аделину вместе с Ильфом и Олешей откомандировали по развёрстке в Высший литературно-художественный институт (ВЛХИ), созданный Валерием Брюсовым для подготовки молодых писателей, где он читал курсы истории русской, греческой и римской литературы, математики, грамматики индоевропейских языков, энциклопедии стиха. «Я одновременно училась, преподавала там же менее знающим студентам, вела семинар истории и теории стиха и служила в Наркомпросе. В Москве я встретила знаменитого поэта, который в те годы вступил в коммунистическую партию, Валерием Брюсовым. Он также помогал мне продолжать образование: сам занимался со мной латынью, историей литературы, экономикой, астрономией и рядом разных научных дисциплин: это был один из образованнейших людей своего времени». Даже по этим фразам из официального документа — личного дела по учёту кадров ЦК КП(б) Киргизии, можно определить напористый, неуступчивый характер Аделины Адалис. Её лекции для однокурсников были блестящими, изящными, остроумными; она смело вошла в литературную жизнь столицы, стала ученицей и близким другом Брюсова, который покровительствовал ей в последние годы своей жизни, ввёл в высший круг Москвы, и не только литературный.

Поэт Валерий Брюсов

Валерий Яковлевич Брюсов (1873-1924) окончил историко-филологический факультет Императорского Московского университета, известный поэт, прославленный мастер слова, литературный критик, один из крупных пушкинистов, многоопытный переводчик поэтов разных стран и эпох. Ритм его стихотворения «Мы — скифы» остался в памяти со школьной скамьи: «Что были мы? Щит, нож, колчан, копье, лук, стрелы, панцирь, да коня удила», подобен грохоту безудержной лавины. Он принял революцию 1917 года, стал одним из первых «свободных» литературных деятелей, вошедших в структуру новой советской власти: был руководителем Комитета по регистрации печати (в дальнейшем Книжная палата), председателем президиума Всероссийского союза поэтов, ректором, профессором ВЛХИ, преподавателем Московского университета, Коммунистической академии, Московского института живого слова. Родоначальник русской литературной ленинианы, автор «Летописи исторических судеб армянского народа», удостоенный звания «Народный поэт Армении» за сборник «Поэзия Армении с древнейших времён до наших дней». Он вступил в компартию, пренебрегая критическим отношением своих литературных соратников, которые охладели к его былой славе, и молодых пролетарских писателей, видевших в нём представителя старой буржуазной школы. Это глубоко задевало Брюсова, влияло на здоровье и поэтическое творчество.

Аделина Адалис в 1920-е годы

Как учёный, глубоко изучивший и написавший «Историю человечества от Атлантиды до героических лет Октября», Брюсов в декабре 1921-го в Московском Доме печати прочитал свою трагедию «Диктатор» — первое в русской советской литературе произведение о грозящей единоличной диктатуре. Её герой Орм — Председатель Центр-Совета Земли, мечтающий стать императором Земли, предложил проект: колонизировать планету Венера и переселить на неё треть земного населения, ввиду того, что Земля уже не может прокормить своё население. Он заявил: «Как было 500 лет тому назад, будем направлять общие усилия, чтобы создать новую эру в судьбе Земли, возможность новой жизни, спокойной, полной довольства для нас и наших детей. Сначала Венера, затем Марс — обе эти планеты должны повиноваться власти Земли. Человечеству суждено завоевать весь мир. Земля созрела для того, чтобы властвовать в Солнечной системе, человек должен стать царём Вселенной. Чтобы осуществить этот величайший план, необходима будет власть, всенаправляющая к единой цели, — необходима диктатура. Кто-то один должен взять на себя руководство. Земля — это новый бог, и я призван быть его пророком». Съезд всех народов принял проект Орма и назначил его Диктатором Земли. Аудитория не восприняла и не поняла пьесу. При обсуждении отметили, что в грядущем социалистическом государстве не будет почвы для возникновения диктатуры,

на что Брюсов ответил: художник вправе замечать тёмные стороны жизни и указывать на будущие опасности. Все попытки автора опубликовать пьесу оказались безуспешными (она вышла только в 1986 году).

Адалис влюбилась в этого немолодого человека ещё в 1919-м, когда он посетил «Коллектив одесских поэтов», где читал свои последние стихи и приглашал молодых гениев в создаваемый им институт. В Москве «она сама была сначала ученицей, а затем цербером — соратницей и последней любовью несчастного, запутавшегося в политических иллюзиях и страстях, исколотого наркотиками Брюсова..., чей роман был притчей во языцех и заслонял все остальное»

(Е. Евтушенко). О своих чувствах с пылом пятнадцатилетнего влюблённого мальчишки он пишет:

В год третий после Октября,

В разгар яростного лета,

Когда вечерняя заря

Жгла предварение рассвета,

В лесу безмолвном я бродил,

Где тени зыбко расплывались,

И тишь полночную будил

Весёлым окликом: Адалис!

Литературная Москва ревностно приняла появление Аделины в своих кругах. Ей не могли простить связь с Валерием Брюсовым: как осмелилась эта, приехавшая из Одессы, никому не известная девчонка, на 27 лет моложе его, войти в круг его известнейших женщин-поэтесс, которой он «устроил светлейшую светёлку» — комнату во Дворце искусств (бывшем дворце графа Сологуба). По созвучию фамилии её называли одалиска (наложница в гареме), с сочувствием говорили: «Ах, Адалис, Адалис, кому вы отдались?» Даже сейчас, спустя 100 лет в

публикациях чаще встречаются обсуждения её связи с Брюсовым, совершенно не касающиеся оценки её творчества.

...Холодная, голодная Москва 1920 года, 6 декабря: Большой зал консерватории, на вечере «Россия в грозе и буре» после вступительного слова наркома просвещения А. Луначарского со своими стихами выступают Валерий Брюсов, Сергей Есенин, Борис Пастернак и Аделина Адалис; 11 декабря — вечер молодых талантливых поэтесс в Политехническом музее, в зале три градуса ниже нуля, юные таланты синие, но в ярких вечерних платьях, она одна — в закрытом, тёмном. По воспоминаниям Марины Цветаевой: «Вечер открыл Брюсов, который, как в джунглях Шерхан, ходил и принимал лесть, а Адалис — приبلуда. Тов. Адалис появляться в тот вечер, вернее, в тот месяц её жизни совсем не следовало, её выступление — героизм. Усмешки были, но голос, как всегда, сделал своё дело, зал вслушался, втянулся». В то же время современники отмечали красоту Аделины, её замечательные глаза, оценили творчество и совместные выступления с Брюсовым на эстраде, в кафе поэтов «Домино», и её чтение, с прекрасно усвоенными особенностями древнегреческой речи и современной поэзии. Позже М. Цветаева писала: «С поэтессой Адалис мы, если не подружались, приятельствовали. Она часто забегала ко мне, чаще ночью, всегда взволнованная, всегда голодная, всегда неожиданная, неизменно — острая. Чудесный лоб, чудесные глаза, весь верх из света и стихи хорошие». Они не задумывались, что, может быть, Илья Ефрон — издатель Большого энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, Ефим Ефрон-Эфрон — отчим Аделины, Сергей Эфрон — муж Марины могли быть родственниками, они и так были дружны, их общение продолжалось и после возвращения М. Цветаевой на родину.

Внучка Адалис — Екатерина Сергеева (Московская — художник, писатель) пишет: «Адалис и Брюсов. Его лебединая песня, её первое и, возможно, последнее

счастье». Потеря родившегося в марте 1921 года сына, публикация стихотворного сборника-списка «Роковой ряд», венок сонетов которого вошли, кроме неё, ещё 13 «его» женщин, постепенное отдаление, постоянный страх потерять любимого — порождают горькие строчки:

Но боль угадана заранее

И в сердце, крепнувшем во мне,

Готово место тёмной ране,

Страданию и глубине!

Осенью 1924-го состоялась их совместная с Брюсовым поездка в Крым в Коктебель, посещение поэта М. Волошина, который подарил свой дом Дому творчества Литфонда СССР. Во время экскурсии в горах они попали под дождь, Брюсов простыл и заболел воспалением лёгких. Он умер в Москве 9 октября на руках своей жены — Иоанны Брюсовой (Рунт), с которой прожил 27 лет, как говорится, в любви и согласии. Вот и вся короткая счастливая история девочки Аделины из Одессы.

Началась новая, взрослая жизнь: она вернулась в Одессу, затем уехала в Туркестан и надолго исчезла с литературного горизонта. Для неё это было время нищеты, болезни, одиночества, мучительных творческих поисков. Вспоминая посвящённые ей строки-заклинание Брюсова:

Являй смелей, являй победней

Свою стообразную суть,

Но где-то, в глубине последней,

Будь мрамором и медью будь!

она твёрдо следовала этому наставлению. По оценке родственников, воля у неё, действительно, была каменная, железная, и своих решений она не отменяла никогда.

Адалис с детства мечтала найти свою тему и свой край. И ими оказался Восток. «После окончания литинститута,

верней, после того, как он закрылся, — я не пошла, однако, по педагогической линии, а выбрала газетную работу, так как этот род деятельности казался мне главней и давал возможность путешествовать по Советскому Союзу». Летом 1925 года она уехала в командировку от «Нашей газеты» в Среднюю Азию, собранный там материал лёг в основу романа приключений с элементами научной фантастики «Абджед, Хевез, Хютти». В нём описанохождение экспедиции, которая нашла затерянную в горах Памира близ озера Искандер-Куль древнюю цивилизацию. Роман, написанный совместно с мужем И. Сергеевым, высоко оценил Максим Горький и способствовал его продвижению в печать.

Муж Аделины — Иван Владимирович Сергеев (1903-1964), был очень импозантным, высоким, похож на И. Крылова; в начале 1920-х годов он совершил с Адалис путешествие по Туркестану, очень гордился тем, что билет члена Союза советских писателей ему вручил лично М. Горький. Из воспоминаний современника: «При одном из посещений дома Сергеева по ул. Левитана познакомился с женой А. Эфрон, милая старушка, ничего необычного. И вдруг я их встречаю в Доме литераторов в Москве на юбилейном вечере, посвящённом шестидесятилетию поэтессы А. Адалис». В графе «семейное положение» в момент заполнения личного листка в 1942 году Адалис пишет: «не замужем, имею двоих детей: сына 13 лет и дочь 11 лет, сын живёт со мной, дочь живёт у отца», но по публикациям можно судить, что они не потеряли связи до его смерти.

И. Сергеев — географ, путешественник, писатель, автор книг «Необыкновенные небесные явления», «Тайна географических названий», одного из первых учебников «Основы эсперанто» и «Проблемы интерлингвистики». Эсперанто — один из искусственных языков, вспомогательное средство для международного общения людей, названный Л. Троцким языком мировой революции, пользовался большой популярностью в СССР, пока в середине 1930-х годов его не признали троцкистским,

шпионским языком, и до 1960-х он был под запретом. Несмотря на это, И. Сергеев вместе с дочерью Юлией Ивановной Сергеевой (режиссёр, драматург) продолжали заниматься изучением, исследованием и распространением эсперанто, вместе ездили в Литву в эсперанто-лагерь и пытались провести пикник эсперантистов под Москвой. Кстати, Киргизская областная Комиссия политического просвещения в мае 1925 года приняла решение об организации курсов по изучению эсперанто. В Пишпек только что пришёл первый поезд международного промыслового кооператива «Интергельпо», имя которого с эсперанто переводится как «Взаимопомощь» (inter — между, help — помогать), сохранилось в названии улицы нашего города.

«Включите свет для писателей, они пишут оборонные произведения»

С 1925-го по 1935 год Адалис работала корреспондентом в республиканских газетах Средней Азии, Закавказья и внештатным корреспондентом газет «Правда», «Известия» по этим республикам: «Здесь, наконец, большая жизнь открылась. Мне Туркестан, что Пушкину Кавказ», «Я Туркестан прошла от разлива песков до истока» и «Выхожу азиатской тропой глинобитных столетий». Одновременно принимала участие в комиссии по борьбе с контрабандой при ПогранЧК Нахичеванской автономной области, в проведении кампаний хлебозаготовок Закавказья. Адалис стала одним из наиболее активных членов российской группы поэтов и писателей, прибывших в Баку в 1934 году, по их инициативе развернулось движение народных певцов, ашугов. В 1935-м она вошла в состав Союза советских писателей СССР, утверждена в штат его президиума: занималась литературной деятельностью, состояла в бюро Национальной комиссии, участвовала в создании и редактировании антологий поэтов Закавказья и в подготовке национальных литературных кадров, составляла планы работ переводчиков, налаживала связь с

отдельными крестьянскими поэтами и певцами, заведовала литературной секцией ОХОбра (Отдела художественного образования), преподавала в Литературно-художественном институте, заведовала Первой профессионально-технической школой поэтики. В 1939 году награждена орденом «Знак Почёта» за успехи в литературе, в 1954-м — медалью «За доблестный труд в годы ВОВ 1941-1945 гг.».

По оценке современников, её творчество — тонкое, острое перо в твёрдой руке, возможно, не золотое, но уж точно, позолоченное, серебряное. Её стихи — древность и современность, энтузиазм и трудовая энергия первых строек пятилеток, персидская, восточная, кавказская и азиатская экзотика; они больше похожи на публикацию журналиста, в них звучат термины, не случайно подобранные для рифмы, а профессиональные, привычные для автора. Опубликованы книга «Песчаный поход» из очерков о Средней Азии, повести «Азери», «Вступление к эпохе», затем ряд очерков, повестей, поэтических сборников: «Власть», «Кирову», «Бакинские стихи» и др. В них открывается новый Восток со сложностями советской жизни, где можно встретить нефтяников и рыбаков Каспия, профессора-геолога, который вместо спокойной пенсионной жизни в столице отправляется на Памир для восстановления древних рудников по добыче олова, строителей каналов в пустыне и электростанций Поволжья. По рецензии О. Мандельштама: «Адалис рассказывает о

неумении своих современников бросить начатую работу — единственном из неумений, которое составляет наше богатство и наше счастье».

Она знала английский, французский и немецкий языки, изучала таджикский (фарси) и азербайджанский, много лет посвятила переводу восточной поэзии, по оценке критиков, пожалуй, даже слишком много — в ущерб своей оригинальной поэзии. Приступая к переводу, она знакомилась с историей, обычаями, нравами народа и звуковыми особенностями его языка. Она переводила не строки — с одного языка на другой, а словно писала собственные стихи — с той же, если не с большей ответственностью. Блестящие переводы Адалис поэтов с армянского (Наапет Кучак, Ваграм Алазан); азербайджанского (рубайи Физули, отрывки из дастана Кёроглы, Вургун Самед); китайского (Цзя И, Чжан Сунь); дари (Абдул Кадыр-хан, Хаттак); казахского (Джамбул); индийского (Рабиндранат Тагор); фарси (Камоль Худжанди, Сайидои Насафи, Насир Хосров, Алишер Навои, Мирсаид Миршакар) и многих других языков вошли в издания избранных переводов «Восточный океан», «Стихи индийских поэтов», «Поэты Азербайджана», «Лирика. Из персидско-таджикской поэзии» и др. Мирзо Турсунзаде за цикл стихов «Индийская баллада» в переводе А. Адалис в 1948 году получил Сталинскую премию.

Джоомарт БОКОНБАЕВ

Да, я киргиз

Итальянские фашисты,
посылая свои дивизии на
восточный фронт, гордели-
во заявили, что итальян-
ские солдаты уничтожат
российскую империю, со-
стоящую из большевиков,
киргизов, самоедов и ха-
заров. (Из газет).

Да, в ранней древности мы
в битвах были дики,
И силу некуда девать казалось
нам!
Сжимали крепко мы в руках
горячих пики,
Не покорялись мы враждебным
племенам!

Бойцы Киргизии прославлены
веками,
Я верен Родине! И если низкий

Во вступительной статье к сборнику «Поэты Востока» (М., 1979 г.) отмечено: «потребовалось бы несколько обширных томов, чтобы показать хотя бы избранные переводы и переложения Адалис из поэзии Азии, Востока, Индии». До и после войны публиковались только её переводы, но, к сожалению, в них нет переводов кыргызских поэтов. В просмотренных российских публикациях встретилось одно упоминание о переводе с кыргызского языка поэзии Аалы Токомбаева; в сборник «Поэты Киргизии» (М., 1980 г.) вошло в её переводе только «Письмо с фронта любимой» Дж. Боконбаева.

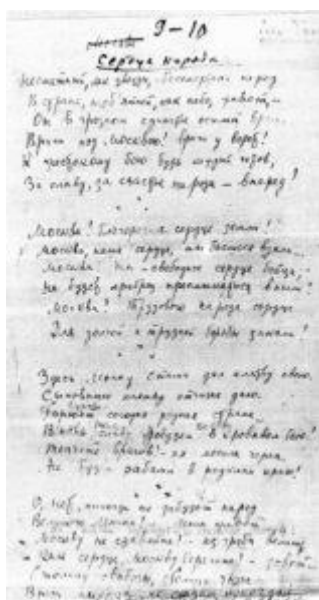
С первых дней Великой Отечественной войны А. Адалис выступает с чтением стихов в госпиталях и перед защитниками Москвы; выходит её брошюра «Защита Родины — высший закон жизни» из серии «Боевая библиотека краснофлотца». Через два месяца после начала войны её командируют в Киргизию для оказания методической и практической помощи Союзу советских писателей республики по организации деятельности в военное время. «В Киргизскую ССР я попала в начале сентября 1941 года и была вынуждена остаться здесь, так как с ребёнком меня не пропускали обратно в Москву». Напомним: 19 октября 1941-го началась осада столицы. Она прожила во Фрунзе до июня следующего года: стала свидетелем жизни тружеников тыла и участником деятельности Союза писателей в первый год войны. Как и по всей стране, жизнь во Фрунзе изменилась и подчинялась законам военного времени. Началась всеобщая и полная мобилизация стоящих на учёте военнообязанных 1905-1918 годов рождения включительно. Формировались новые соединения РККА: стрелковые дивизии (Панфиловская), бригады и три национальные добровольческие кавалерийские дивизии. Создавалась трудовая армия для отправки на Урал и работы в шахтах, на лесозаготовках и строительстве предприятий (практически на правах заключённых). Вёлся учёт всего трудоспособного населения, не работающего на предприятиях и в

учреждениях, в возрасте от 14 до 50 лет (женщины) и 55 лет (мужчины) для направления на стройки города. 24 июня ЦК ВКП(б) и СНК СССР создали Совет по эвакуации, утвердили комиссии при СНК союзных республик, в областях, городах и районах для приёма и размещения эвакуированных из западных районов страны заводов и фабрик, прибывающих с оборудованием, специалистами и рабочими. Согласно Положению СНК СССР, во Фрунзе с июля начали поступать в первую очередь эвакуированные детские учреждения — пионерские лагеря, детские ясли, сады, интернаты и детдома; затем госпитали, отделения АН СССР, научно-исследовательские институты, вузы, учреждения культуры. Всех размещали на территориях смежных действующих предприятий, в школах, учебных заведениях, на необорудованных площадях южнее железной дороги. Прибывали эвакуированные жители прифронтной полосы, семьи командного состава, польские граждане и самотёком, не зарегистрированные беженцы — жители оккупированных территорий, отдельные лица и семьи (в основном старики и дети), которые смогли вырваться оттуда. Все эвакуированные пользовались предусмотренными для них правами по выделению жилплощади, денежных пособий (по утверждённым категориям). Прибывали также депортированные немцы Поволжья. Несмотря на загруженность железных дорог и напряжение военного времени, из Москвы в Алма-Ату прибыли два эшелона экспедиции Академии наук СССР с установленными в них астрономическими приборами для наблюдения за солнечным затмением: 21 сентября 1941 года с 8 часов 04 минут до 10 часов 23 минут в Пржевальске произошло полное затмение, во Фрунзе — 99-процентное. За необычным природным явлением наблюдали не только учёные, но и жители, связывая его с войной. Население тихого, спокойного азиатского городка (по переписи 1939 года — 93 тыс. человек) только за 1941-й возросло на треть (несмотря на мобилизацию на фронт). Необходимо было обеспечить прибывшие заводы и фабрики оборудованием, электроэнергией и сырьём,

строить и монтировать цеха, многие из которых уже через две-три недели начали выпуск военной продукции. В связи с притоком эвакуированных, угрозой вспышки эпидемий создали санпропускники, на Льва Толстого и Логвиненко открылась инфекционная больница, проводились санобработка очагов заболеваний и профилактические прививки, спешно строились примитивные бани с обязательным отделением — дезинсектором. В школах, детских садах и на дому предусматривалась ежедневная выдача детям рыбьего жира и витамина С. Не хватало лекарств, их выдавали под строгим учётом, так, Союз писателей направил заявку о выделении сульфидина больным детям Осмонова, Баялинова и матери погибшего на Финском фронте писателя Левина. Во всех городах и посёлках при вокзалах, на центральных рынках и в парках установили репродукторы, по которым транслировались с 6 утра до 12 ночи без перерыва сообщения от Совинформбюро, передачи Всесоюзного радио и местного радиовещания. Союз писателей подготовил радиостраничку, куда вошли произведения акынов, поэтов, прозаиков в переводе эвакуированных писателей; В. Винников подготовил литературную рубрику «Новые песни Алымкула», звучали записи театральных постановок. Все граждане СССР в законодательном порядке сдали свои радиоприёмники, в связи с этим в ноябре 1941 года ЦК Компартии Киргизии вынес решение: «Разрешить агитпунктам, избам-читальням использовать радиоприёмники исключительно для коллективного просмотра». В городской черте и рабочих посёлках ввели карточную систему — талоны не заменяли деньги, но давали право на приобретение хлеба, мяса, жиров, сахара и непродовольственных товаров. Норма для рабочих, ИТР промышленных предприятий составляла 800 г хлеба, 500 г сахара и кондитерских изделий; служащих — 500 г хлеба, пенсионеров, инвалидов и детей до 12 лет включительно — 400 г хлеба, сахара и кондитерских изделий (вместе) — не выше 300 г в день. Всю войну продукты в магазинах продавались по низким довоенным ценам, повысились

цены лишь на спиртные напитки и табачные изделия. Государственная и кооперативная торговля сократилась, что привело к скачку цен на рынках. Кроме того, организовали торговлю по повышенной (коммерческой) цене: в ресторанах, столовых и буфетах железнодорожных станций отпускали хлеб без карточек, а сахар и кондитерские изделия — с наценкой на 200%. СНК Киргизской ССР установил норму жилплощади — 5 кв. м, что дало возможность горисполкому за счёт уплотнения разместить дополнительно 12 тыс. семей. Но жилья всё равно не хватало, и началось стихийное строительство бараков, землянок, мазанок и шалашей. Адалис выписали ордер на проходную комнату за счёт уплотнения семьи М. Кирбашева, от которой она отказалась. Её с сыном поселили в двухместный номер гостиницы «Киргизия» (Сталина — Панфилова, снесена при возведении монумента «Дружба народов»), который позже заменили одноместным, так как в бюджете Союза не предусматривалась оплата двухместных номеров. В январе Союз писателей направил письмо на имя секретаря ЦК(б) Киргизии А. Вагова: «В связи с пересмотром списка на электроэнергию все писатели лишены подачи электросвета. Для творческой работы над оборонными произведениями они пользуются вечерними и ночными часами. Вопрос приобретает для писателей не бытовой, а чисто производственный характер. Просим дать указание о включении в список основного писательского актива десяти человек» (в том числе Адалис); затем председателю Совнаркома Киргизской ССР Т. Кулатову: «Просим дать разрешение на включение электросвета, хотя бы по самым минимальным нормам в квартирах: Элебаеву, Сыдыкбекову, с которым совместно проживает эвакуированный из Москвы Л. Пасынков; Саманчину, Уметалиеву, на квартире которого живут эвакуированные писатель Я. Апушкин и драматург М. Муромцева». Также направлялись заявки на отпуск по талонам керосина, свечей, мыла для 24 писателей; о выделении по одной тонне саксаула и угля для Осмонова, Винникова,

Боконбаева, Маликова, Акиева. В начале войны в городе существовали 23 объекта детских яслей и садиков, в них принимали детей грудничкового возраста, кроме малышей из семей, где имелись пенсионеры. Послеродовые отпуска предоставлялись матерям только на один месяц. Сократилась площадь школьных помещений — большую часть 34 зданий передали для размещения предприятий и учреждений. Занятия проводились в три смены в переполненных, холодных классах. Не хватало наглядных пособий, учебников, письменных принадлежностей, бумаги, но несмотря на отсутствие одежды, обуви дети продолжали учёбу и, как отмечено в справке гороно, повысили показатели успеваемости. Многие учащиеся 6-10-х классов заменили ушедших на фронт отцов и старших братьев, поступили работать на заводы, фабрики. Члены Союза, не работающие в госучреждениях, получали талоны на завтраки, и А. Адалис, приравненную к эвакуированным писателям, прикрепили к столовой, где она получала завтраки на двух человек.

Возможно, все эти подробности могут показаться читателям очень далёкими и незначительными, даже нереальными. Но без них не восстановить суровой жизни всей страны, каждого населённого пункта и каждого человека в отдельности, с их заботами, тревогами и нуждами. Это другая сторона правды о войне, не только о героической борьбе на поле боя, но и о героическом вкладе

тружеников тыла в выполнение главного лозунга Великой Отечественной войны «Всё для фронта. Всё для Победы!» Правды о введении обязательной сверхурочной работы, участии по разнарядке (кроме основной работы) в строительстве БЧК, Лебединовской ГЭС, железнодорожной ветки Кант — Токмак, в сельхозработах; об отмене отпусков, мобилизации рабочих на военные предприятия и закреплении на них до конца войны; о времени, когда прогулы, опоздания, оставление работы приравнивались к уголовно наказуемым преступлениям. Армия постоянно ощущала поддержку тружеников тыла: началось патриотическое движение за внесение индивидуальных и коллективных вкладов в Фонд обороны, рабочие и служащие отчисляли свою двух-трёхдневную зарплату (официально, неофициально доходило до двухнедельной) на счёт №14 в Кирконторе Госбанка. В сентябре начался сбор для воинов тёплых вещей и белья, принимались: шерсть, полушубки, валенки, фуфайки, шапки-ушанки и т. д. Пенсионерам и инвалидам определялись нормы изготовления на дому военного обмундирования (при наличии швейных машин), вязаных носков и рукавиц (чаще из своей шерсти), которые они вязали ночами при лучине и по инерции продолжали вязать (иногда вслепую) до конца своей жизни. Тысячи жителей города стали донорами и регулярно отдавали свою кровь для спасения раненых. В Фонд обороны передавались из личных сбережений денежные средства и облигации, ценные вещи, драгоценности, население регулярно подписывалось на облигации военных займов. На фронт отправлялись посылки, эшелоны с подарками, сухофруктами, лечебными травами, одеждой и продуктами. Так, в марте 1942-го в осаждённый Ленинград прибыл эшелон из 50 вагонов с подарками и продуктами от кыргызского народа, в составе делегации находились М. Токобаев — секретарь ЦК КП(б) Киргизии, поэт, руководитель, Табалдыев — секретарь Фрунзенского горкома партии, Суромбаев — председатель колхоза, К. Музафиров — шахтёр из Кызыл-Кии, и К. Маликов — поэт.

26 июня ЦК КП(б) Киргизии принял решение «О ходе выполнения постановления ЦК ВКП(б) о мероприятиях по развёртыванию агитационно-массовой работы среди населения в связи с ВОВ», деятели литературы и искусства Кыргызстана вместе со всем народом внесли свой вклад в победу над врагом, создавали произведения, направленные на патриотическое воспитание. В обращении к интеллигенции республики они приняли на себя обязательство: «Наше перо должно работать так же неустанно и мужественно, как боевое оружие джигита, каждое наше слово должно звучать, как боевая песня, зовущая к новым решительным победам». По данным на март 1942 года, из 43 членов Союза ушли на фронт, где продолжали создавать произведения, призывающие к самоотверженной борьбе против фашизма, У. Абдукаимов, К. Эсенходжаев (погиб в 1941-м), Ж. Ашубаев, Д. Джамгырчиев (погибли в 1943-м), А. Байсалбаев, Д. Боконбаев (погиб в 1944-м во время командировки в Тонский район), Д. Турусбеков, М. Элебаев (погибли в 1944-м), Т. Саманчин, Т. Уметалиев, Т. Шамшиев, Я. Шиваза, Р. Шукурбеков.

По оценке А. Токомбаева — председателя президиума ССП: «Стихи первых двух месяцев войны больше походили на зарифмованные пересказы газетных статей, но к концу августа — началу сентября закончен процесс не только осознания, но и прочувствования подлинно военной темы, созданы первые наиболее интересные работы». Поэзия — основной жанр кыргызской литературы, и первым был издан сборник «Москва», куда вошли оборонные антифашистские стихи, песни акынов и поэтов, два сборника «Патриотические песни» и «Массовые оборонные песни» на кыргызском и русском языках, сборники стихов и песен Алымкула Усенбаева «Присяга»; произведений Тоголока Молдо, умершего 4 января 1942 года, К. Маликова «Кровь за кровь», А.Токомбаева «Земляк Манаса», М. Токобаева «Силу богатыря оценит народ», Я. Шиваза «Янцзы-цзян», Д. Боконбаева «Песни этих дней», «Шумкар

ыры», А. Осмонова «Баатырдын балдарына», Т. Шамшиева «Панфиловко эстелик», М. Элебаева «Письмо», К. Баялинова «Она теперь не сирота», Н. Чекменёва «Глубокий рейд» и др. Ещё не были созданы фронтовые бригады, и писатели встречались с воинами — участниками боевых действий, прибывшими на лечение в военные госпитали Фрунзе. На основе воспоминаний бойцов вышла небольшая книга К. Баялинова «В огне и другие рассказы» на кыргызском и русском языках. Ответсекретарь Союза Я. Шиваза отзывался о ней: «Вот книга К. Баялинова — ряд прелестных вещей в соавторстве с Адалис А. Е. — человеком, известным как поэт, но менее прозаиком». Действительно, когда читаешь рассказ «В огне», написанный эпическим языком, чувствуется напряжение фронтовых дорог. «В светлой палате госпиталя, на белой подушке — очень маленькое, круглое лицо с круглыми, детскими глазами и вздёрнутым носом — лицо шаловливого мальчика четырнадцати лет. Оно обманывает, но не намного: Афанасьеву — восемнадцать. Много дорог исходил он с самого начала войны; он топал по ним в пыльных сапогах красноармейца, крался босиком, шлёпал в изодранных сандалиях или в старых, искорёженных галошах ходил в глубокую разведку. Так кончилась хрупкая юность и пришла пора зрелого мужества, не знающего ни уступок, ни слёз. Стариком, крепким как дуб, терпеливым и выдавшим виды, чувствовал себя Иван Андреевич Афанасьев в те дни, когда некоторые наши части выбирались из окружения под пунктом X., чтобы вскоре снова соединиться и занять новые оборонительные рубежи. К тому времени успел он давно забыть свой истинный возраст и малый рост; давно не глядевшись в зеркало, он представлял своё лицо изборождённым морщинами, а пух на похудевших щеках — щетиной, седой, как у волка. Твёрдыми, как железо, чувствовал он свои кости. Если бы кто-нибудь поставил пред ним зеркало или полированный лист жести — Афанасьев отказался бы признать своё отражение в образе маленького, круглолицего и ясноглазого человека в

длинной шинели. Но зеркала не было перед ним. Суровым, сутулым великаном с тяжёлой походкой видел он себя на осенних дорогах войны».

В этой же книге в «Сказании о Леониде» описано, что прадед, дед, отец Леонида и он сам были парикмахерами; высокий, рослый он казался старше своих лет, и сильнее, но ему ни разу не приходилось испытать свою силу. На войне он увидел бой, где: «море огня, море тьмы и грома — люди вцепились в свои орудия судорожно и неотрывно, как пловцы, застигнутые бурей, вцепляются в камни и выступы скал. Вдруг командир роты странно согнулся на бок и упал в окоп. Многие бойцы видели это; они не успели передать другим, что командир убит — однако из музыки наших орудий выпал такт: воцарился короткий, но страшный миг молчания. Дрогнули от испуга и горя сердца. Минутное замешательство овладело бойцами. Такое мгновение всегда опасно в бою: оно похоже на брешь в крепостной стене, на прорыв в обороне, на прореху в стальной кольчуге, которую ищет коварный меч врага! И тут неожиданно увидели молодые бойцы, как выросла на открытом поле фигура, казавшаяся огромной, потому что она возвышалась над плоской равниной. Это был Лёня Воробьёв. Согнувшись, Лёня бежал на врага, за ним бежали бойцы. Никто уже не помнил себя и не испытывал страха в вихре гремящего воздуха, под градом пуль. Грозный, опьяняющий, смертельный восторг подхватил людей, как ураган. Он вырывался из горла нескончаемым, звенящим криком, криком, которого уже никто не мог бы сдержать, если бы даже захотел: “Ур-ра-а!” «За одной малой группой покатила вперёд другая, за другой — третья. За грядой гряда, как волны прибоя, неслись наши на уничтожение врага, и те, кто падали, не чуяли смерти: им казалось во мраке, что они продолжают бежать...»

В президиуме Союза произошли структурные изменения: созданы бюро переводчиков в составе Я. Шиваза, К. Рахматуллина, Т. Саманчина, В. Винникова, Я. Апушкина; секция детской литературы в составе А. Токомбаева, А.

Токтомушева, Т. Сыдыкбекова. Организовано бюро литературных выступлений, в котором сформированы пять бригад, в их состав наряду с писателями входили артисты, комузисты, манасчи, певцы. Уже 5 сентября первая агитбригада (Адалис — бригадир и докладчик) выехала в Ворошиловский, Беловодский районы. Проведено около 30 выступлений по радио, районам республики, в госпиталях, школах, подготовлены тематические выставки. Для выявления материалов о жизни Д. Шопокова на его родину командирован А. Осмонов, о стахановцах Ново-Троицкого сахзавода — Н. Чекменёв, для создания пьесы о генерале Панфилове и истории его дивизии в архивах республики работали В. Винников и Я. Уринов. Литературный фонд начал проводить по вторникам вечера в фойе кинотеатра “Ала-Тоо”, на первом вечере 3 марта свои переводы Алыкула, Д. Боконбаева, К. Маликова, Т. Уметалиева читали Адалис, Винников, Апушкин (вела вечер Адалис). В марте проходит творческая конференция по вопросам оборонной литературы, с сообщением о стиле оборонных произведений на ней выступает А. Адалис. В дальнейшей конференции будут проводиться регулярно, Адалис высоко оценит на них творчество молодого переводчика повестей и сказок А. Пушкина и М. Лермонтова, единственного на тот момент детского писателя Кусеина Эсенкожоева, даст положительное заключение его научно-фантастическим рассказам «Мальчик-путешественник», «Третий шар».

**«Облаком может каждый только
любоваться, но поймать его
невозможно...»**

Литераторов Кыргызстана с литературой всего Советского Союза объединял творческий союз писателей. В начале 1930-х годов ведущие прозаики и поэты республики приступили к переводу на кыргызский язык произведений русской литературы — А. Пушкина, Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького, а через русский язык — и зарубежной: Гёте, Шекспира и др. Учёба у классиков способствовала обогащению и дальнейшему развитию национальной культуры и литературы. Крепкой творческой дружбой были связаны наши поэты с поэтами-переводчиками. Ещё в 1934-м по решению Союза писателей СССР в связи с образованием республиканских союзов писателей туда направили деятелей русской литературы с ответственной задачей — приступить к переводу фольклора и литературы народов страны. Среди них были С. Липкин, М. Тарловский, М. Апушкина-Муромцева, Н. Мучник, Г. Шенгели, начинавшие своё творчество в 1920-е годы вместе с Адалис в Одессе и Москве. В 1930-е годы вместе с ней и Л. Пеньковским, В. Винниковым, П. Антокольским, Арсением Тарковским они участвовали в переводе произведений с азербайджанского, таджикского, туркменского, грузинского, армянского, чеченского и других языков. Многие из этих опытных писателей, эвакуированные из Москвы и других городов, вошли в Союз писателей Киргизии, приступили к творческой деятельности и переводам. Медина Богданова — зав. сектором литературы народов АН СССР возглавила

сектор фольклора и эпоса «Манас» в Киргизском НИИ языка, литературы и истории. Корреспондентом КирТАГа работал эвакуированный из Москвы писатель Якуб Земляк.

Прибывающие по эвакуации производственный, научно-технический, образовательный, медицинский, художественный и театральные потоки ведущих специалистов страны оказали огромное влияние на дальнейшее экономическое, социальное и культурное развитие Кыргызстана и Фрунзе. На сцене Кыргызского музыкально-драматического театра идут «Евгений Онегин», «Патриоты», «Айчурек», «Кокюль», подготовлено либретто оперы «За счастье народа», началась разработка либретто оперы «Манас», балета «Анар», переработанной оперы «Фрунзе в Туркестане» и др. В этом же театре и в новом помещении Русского драматического — пьесы «Алтын Кыз», «Хозяева леса», «Клятва» А. Токомбаева, «Дочь гор» Д. Боконбаева, «Я стреляю последним» В. Винникова, «Глубокий брод» Д. Ашубаева, «Манас и Алмамбет» Т. Сыдыкбекова и К. Рахматуллина, «Джаныл» К. Маликова, «Король Лир» Шекспира, «Фельдмаршал Кутузов» в постановке заслуженного артиста Киргизской ССР Я. Уринова. В театре кукол — «Петрушка на фронте» К. Эсенкожоева. Художники и скульпторы Л. Ильина, И. Белевич, О. Мануйлова и др. с октября подключились к изданию агитационно-политических сатирических плакатов «Окна КирТАГа», в карикатурах которых сохранились события того времени, образы города и его жителей. Плакаты размещались в витринах магазинов, на призывных пунктах, на предприятиях и в воинских частях, они призывали к защите Родины, ударному труду в тылу. Как отмечает историк В. Деев, «с приездом А. Адалис и В. Винникова увеличилось число переводимых произведений в газетах и журналах. Творческое содружество Адалис — Баялинов — Боконбаев стало настоящей взаимной учёбой, ибо одни усваивали практический опыт русской литературы, другие — особенности кыргызского языка». В газетах «Советтик Кыргызстан», «Советская Киргизия»

открыли литературно-художественные странички, где в том числе печатались и переводы Адалис.

Издание эпоса «Манас» (М., 1941 г.) в переводе С. Липкина и М. Тарловского, публикации в журналах и газетах повестей, стихов, статей о героях-кыргызстанцах, тружениках тыла, «Письмо бойцам, командирам и политработникам 8-й Гвардейской дивизии им. Панфилова от поэтов, писателей, акынов Советского Кыргызстана в стихах», плакаты «Окна КирТАГа», «Военный разговорник для бойцов, недостаточно владеющих русским языком» К. Юдахина, памятка бойцам-кавалеристам «Береги боевого коня» П. Галушко оперативно отправлялись на фронт, где перепечатывались в листовках и газете Панфиловской дивизии «За Родину» на кыргызском, узбекском и казахском языках и распространялись среди воинов. Эпиграфом к литературной странице газеты служили слова И. Панфилова: «Острое слово и острый штык в смелой атаке помогают друг другу».

Брюсов называл её красоту египетской, она рождена была поэтом и стала им, но большую часть своей жизни отдала тому, чтобы перевести поэзию других. Благодаря ей мы знаем сейчас на русском Рабиндраната Тагора, Физули, Самеда Вургуна, Джоомарта Боконбаева, Аалы Токомбаева...

Фрунзенская студия кинохроники подготовила боевой альманах-киносборник «Победа за нами» из объединённых фрагментов художественных фильмов «Александр Невский», «Щорс» и др. К 24-й годовщине Красной армии в здании Киргизской филармонии (Московская — Панфилова) показали первый выпуск киножурнала «Советская Киргизия». Под театр хроникальных, научно-популярных, оборонных и антифашистских фильмов временно передали помещение бильярдной общества «Динамо», позже для их показа открылся новый кинозал «Хроника» (на Дзержинского — Пушкина, снесён в 1970-х годах). В кинотеатре «Ала-Тоо» идут кинофильмы «Музыкальная история», «Истребители», «Весёлые ребята» и др. Проводилась первая Декада музыки республик Средней Азии и Казахстана, где выступали эвакуированные Государственный симфонический оркестр СССР (дирижёр Н. Рахлин), Государственный хор СССР под руководством А. Свешникова, ансамбли народных инструментов, манасчи, народные акыны, певцы и музыканты филармоний, артисты музыкально-драматических театров союзных республик. После переоборудования Государственного музея национальной культуры 7 ноября открылась научная экспозиция историко-археологического и геологического отделов; в начале 1942-го экспонировалась трофейная немецкая техника, прибывшая из Москвы. В Киргизской государственной картинной галерее организовали выставку

лучших произведений художников и скульпторов, созданных за 10 лет, где представили работы С. Чуйкова, Г. Айтиева, С. Акылбекова, О. Мануйловой, А. Игнатьева и др., в каталог выставки вошла статья А. Роома «Пути развития киргизского искусства». В Государственной библиотеке прошла книжная выставка «Великая Отечественная война в художественной литературе», где представили книги о защитниках Отечества А. Пушкина, Л. Толстого и др. русских и кыргызских писателей, их переводы.

«С первых же дней приезда тов. Адалис во Фрунзе Союз проявил инициативу в привлечении её к переводам произведений киргизских поэтов, несмотря на то, что она прислана по командировке редакции газеты «Красная Звезда» на короткое время; прикрепил к ней трёх крупнейших поэтов Киргизии: Боконбаева, Токомбаева, Шиваза, обеспечил её подстрочниками их произведений и в пределах имеющихся в его распоряжении средств оплачивал её работу, предоставляя после этого право публиковать свои переводы и получать гонорар полностью» (из протокола президиума ССП). Адалис числилась внештатным сотрудником с начислением гонорара за публикации литературных произведений и переводов в среднем 550 руб. в месяц (средняя зарплата рабочих тогда составляла 600-700 руб., служащих — 200-300, столько же стоила булка хлеба на рынке).

В январе 1942-го Союз писателей республики направил письмо на имя председателя Моссовета и управляющего домом № 4/5 по Старосадскому переулку Москвы: «Несмотря на три запроса писателя-орденоносца А. Е. Адалис относительно номера счёта для взносов квартплаты, а также архива и ценных бумаг, находившихся в проходной комнате, вы не ответили ни в указанный вам адрес Кирвоенкомата, ни лично тов. Адалис. Лишь в последние дни от вас получена телеграмма, что проходная комната тов. Адалис заселена, причём в телеграмме нет даже соответствующей подписи домкома. Напоминаем о

необходимости указать номер счёта для взносов квартплаты, т. к. тов. Адалис, приехавшая в Киргизию по оборонной командировке и оставленная здесь на более долгий срок правительственной комиссией из-за малолетнего сына, будет при первой возможности возвращена в Москву. Напоминаем вам также о необходимости сохранения ценных бумаг, находящихся в квартире №37, занимаемой тов. Адалис. Вторая копия данного письма направляется в Моссовет, третья выдаётся на руки тов. Адалис...»

5 мая 1942 года ответсекретарь Союза писателей К. Маликов обращается в НКВД республики с просьбой «оформить выезд писательницы-орденоносца, члена Союза писателей СССР тов. Адалис (Адалис-Эфрон) Аделины Ефимовны в командировку в Москву по заявке президиума ССП СССР. Тов. Адалис прибыла во Фрунзе по командировке из Москвы в сентябре 1941-го как командированная редакциями «Красная Звезда» и «Литературная газета». Она приехала с сыном, т. к. сына ей негде оставить: семьи у Адалис нет. Оставлять его во Фрунзе не у кого (мальчику 14-й год). Тов. Адалис является жительницей Москвы, имеет собственную жилплощадь. Москва, вызывая её, учитывала семейное положение тов. Адалис». После получения разрешения на выезд было направлено письмо в Москву: «Тов. Адалис за счёт ССП СССР на расходы по командировке выдано 1 150 руб., которые просим срочно телеграфом возвратить на наш бюджетный счёт и зачесть при расчёте по командировочным расходам с Адалис». Для оформления документов на право выезда они с сыном проходят санитарную обработку (билеты на железнодорожные рейсы продавались только при предъявлении справки об обработке вещей и верхней одежды), в карточном бюро Первомайского района оформляют обмен её хлебной карточки на рейсовую, возвращают карточку сына взамен справки для предоставления по новому месту жительства карточки на иждивенца. В июне они выезжают из города.

ТАО ХУН ЦЗИН

(452-536 гг.)

*Ответ на письмо императора,
спросившего: «Что там в горах?»*

Что есть в горах?

Там честь и место белым облакам!

*Может каждый любоваться только
сам.*

Но поймать их невозможно, и нельзя

Поднести их в виде дара — даже вам.

Перевод А. Адалис.

Впереди было ещё три долгих, трудных года войны, включая мобилизацию на фронт военнослужащих 1892-1926 годов. В связи с аномальной засухой и неурожаем в Чуйской области с 1943 года намного снизили нормы выдачи хлеба по талонам. Ещё продолжали прибывать эвакуированные (некоторые из них перенесли по две-три эвакуации), депортированные жители Северного Кавказа и Грузии (в товарных вагонах, иногда на открытых платформах). В освобождённые районы возвращались предприятия и население, направлялись мобилизованные специалисты и руководящие работники земорганов, врачи и средний медперсонал республики; уходили эшелоны с продовольствием, техникой, отарами мелкого и крупного скота, табунами кыргызских лошадей. 60% всей вырабатываемой в республике промышленной продукции производилось во Фрунзе, более 40% её составляли военные заказы. Продолжался сбор подарков бойцам,

средств в Фонд обороны, на строительство танковых колонн и самолётов; подписка на военные займы. Вышли научные труды академиков В. Бартольда «Киргизы», А. Бернштама «Историческое прошлое киргизского народа», статья А. Токомбаева «Русский народ старший брат киргизского народа». На базе эвакуированных НИИ и республики открыт Киргизский филиал АН СССР, введены обязательное семилетнее образование, раздельное обучение в школах (мужские и женские). Учащиеся 9-12 лет после школы работали на полях, в госпиталях, собирали металлолом и лечебные травы. Русский драмтеатр подготовил пьесы «Кремлёвские куранты», «Человек с ружьём», созданы фронтовые бригады деятелей культуры и писателей. Кыргызстанцы жили ожиданием известий о своих родных, долгожданного дня Победы и встречи эшелона с воинами-победителями, он прибыл 28 июня 1945 года.

Странно, но в различных публикациях нет информации о проживании Адалис в Кыргызстане в годы войны, встречается фраза: «В Москву она приехала из Ташкента»; С. Каганович — биограф А. Адалис отмечает: «Сначала она уехала в эвакуацию в Алма-Ату вместе с сыном-подростком, потом кто-то из друзей позвал её в Баку... Когда она перебиралась из Алма-Аты в Баку, её горячо любимый и чрезмерно опекаемый сын Володя сбежал на фронт. Она искала его и пыталась вернуть, но не смогла». Ч. Гусейнов в своём эссе «Метод-портреты» пишет, что её стихи об Азербайджане написаны в 1943-м, когда она «возвращалась в Москву через Баку после эвакуации или по пути на новые «восточные» земли в Туркмению». До самой Победы она работает корреспондентом газеты Закавказского фронта, в своих командировках не раз ездила на фронт, прошла дорогами войны вместе с бойцами, побывала в районах действий партизанских отрядов, о встречах с ними написала поэму «И несколько гранат». В самый разгар войны выступила на заседании Национального бюро Союза писателей с сообщением «По

вопросам теории и практики художественного перевода». Послушайте всего две строчки, которыми она определила состояние души народа-победителя: «Мы в другую вселенную, будто сквозь пропасть, упали, / Но стоим на своей же земле, под солнцем своим!»

Сын А. Адалис — Владимир Иванович Сергеев (1920-2015) стал поэтом, прозаиком, автором широко известных песен «Фронтовики, наденьте ордена», «Идут батальоны» и др., автобиографической повести «Непредсказуемый Берестов» о судьбе сына полка, его участии в борьбе с захватчиками в составе партизанского отряда и службе в рядах Красной армии, о поколении подростков, которые боялись опоздать на ту, для многих последнюю войну.

После отъезда Адалис не прерывает творческой связи с Кыргызстаном: в 1943 году в Москве организует вечер «Искусство и литература Киргизии в годы войны», среди участников которого были Боконбаев, Винников, Махмутова, Токомбаев; участвует в выпуске первого коллективного тематического сборника «Поэты Киргизии» на русском языке (М., 1946 г.), посвящённого мужеству и героизму кыргызстанцев в годы Великой Отечественной войны, в него вошли 48 стихотворений Алымкула Усенбаева, Дж. Боконбаева, К. Маликова, А. Осмонова, А. Токтомушева, Т. Уметалиева, М. Элебаева, К. Акиева, Р. Сатылганова, О. Шимеева в переводах А. Адалис, В. Винникова, А. Глоба, С. Липкина, Н. Манухиной, М. Тарловского. В сборнике «Стихи и поэмы» (М., 1948 г.) она вспоминает:

Я была в сорок четвёртом на Памире

(Почему, зачем, откуда — суть не в этом),

Вспоминала: на Тянь-Шане реки шире,

Там теплей, великодушный ветер летом,

Там в долинах травостойных, знаменитых

У киргизских лошадёнок вид цветущий.

*Там зеркальное сверкание на гранитах —
Озаренье от воды мимоидущей!
Осень — яблоч планетарий! Весом — дыньки,
Формой — глобусы какие. Цветом — вишни!
Но казалось издалека в пыльной дымке:
Это розы бледнорозовые пышны.
На Памире — всё другое. Серый холод...*

и дальше идёт описание суровой природы Памира, откуда родом боец Хайрхо — внук Си-Ланя и Хадиджи из Мургаба, который после войны уехал учиться во Фрунзе.

В октябре 1958-го проходила вторая Декада кыргызского искусства и литературы в Москве, участники которой награждены орденами и медалями СССР. Указом Президиума Верховного Совета Кыргызской ССР наградили Почётной грамотой группу писателей-москвичей, «принимавших активное участие в популяризации кыргызской литературы, в подготовке и проведении Декады кыргызской литературы и искусства в Москве», в том числе М. Богданову, Н. Грибачёва, С. Липкина, А. Тарковского, А. Адалис, К. Кулиева. В представлении к награждению написано: «Адалис А. Е. — поэтесса, беспартийная переводчица с 1916 года, много сделавшая в переводе на русский язык произведений кыргызских поэтов, в частности стихов Токтогула, А. Токомбаева, Д. Боконбаева, А. Осмонова».

...31 октября 1958 года на общем собрании писателей Москвы клеймили Бориса Пастернака за роман «Доктор Живаго». При обсуждении вопроса об исключении его из Союза председатель торопливо вёл заседание: «Кто за? Против — нет? Воздержавшиеся — нет? Борис Пастернак исключён из Союза писателей единогласно». «Из задних рядов вдруг раздался тоненький, но возмущённо скрежещущий женский голос: «Я воздержалась и прошу это записать». Председатель, задыхаясь, выкрикнул: «Решение

принято единогласно! Собрание закрыто». А женский голос ещё сопротивлялся: «Нет, запишите, что я воздержалась». Но его заглушило хлопанием стульев и топотом ног. Я поднялся и увидел крошечную, длинноносую старушку в тёмном платье, похожую на чёрную птичку, всё ещё отрицательно жестикулирующую кулачком с зажатым писательским билетом. Так я увидел Аделину Адалис в первый и последний раз. Фотографии Адалис, печатающиеся в её редко издающихся книгах, похожи на ту воздержавшуюся старушку и гораздо меньше на её стихотворный портрет, написанный Валерием Брюсовым: «Когда во тьме закинут твой,/ Подобный снам Египта, профиль...», — пишет Е. Евтушенко. Далее он даёт оценку творчества Адалис: «Её стихи, казалось, созданы для чтения вслух — в них всё звенело, переливалось, плескалось. Это было преподавание жизнелюбия, человеколюбия, природолюбия, вселюбия — через музыку слов... Адалис ныряла в физику, биологию, археологию, космогонию, чистосердечно ставила на социализм. Но её фантастический роман построения общества духовного братства развивался только внутри неё самой, ничего общего не имея с кровавой реальностью сталинского режима, которому нужны были не романтики, а циники-исполнители. Она оказалась востребованной только как переводчица, но не как поэт. Куда-то ушла музыка, потерялась упругость слова. И тут началась расправа с Пастернаком, и её душа не выдержала. Аделина Адалис пошла на инквизиторское судилище, чтобы хоть «воздержаться», что тогда выглядело, как подвиг». И заканчивает: «но, может, это была не она...»

Уверена, что это была именно она. По роду своих служебных обязанностей, проработав в штате Союза советских писателей более 20 лет госслужащей — служащей государству, и (как писали о ней) защищённая креслом, она «пошла на большой внутренний компромисс в ущерб фантастическому миру существ и сфер, который в ней жил».

Всё одно, куда ни сунешься:

Та же пыль и тот же сор.

А заря туманной юности

Длится, длится до сих пор!

Возможно, этот поступок на собрании — её покаяние перед теми, кто хоть раз прошёл по краешку её судьбы; или, как сказал Е. Евтушенко в стихотворении, посвящённом ей: «Тот, кто обманывал — проклят./ Кто обманулся, прощён?!» (именно так, с двумя знаками).

С 1960-х начали выходить поэтические сборники Адалис, в них уже вместо строек социализма появились строки о смысле жизни и судьбах мира. Вышла книга «Любите поэзию», где она отмечает, что исторически на Руси поэзия и просветительство шли по одному руслу, и если подлинная поэзия зреет на почве живого бытия, как может она не тянуться в наше время к мировым наукам? Агентство печати «Новости» заказало ей статью «О будущем поэзии», которая должна содержать материал, освещающий проблему на современном уровне развития науки. Но Адалис считала: поэт не учёный, и всю эту алгебру она поверяет гармонией своих стихов.

*Ветер ли старое имя развеял?
Нет мне дороги в мой брошенный
край...*

*Если увидеть пытаешься издали —
Не разглядишь меня...
Друг мой, прощай!
Знаю, когда-нибудь в полном
спокойствии,
В позднем покое когда-нибудь,*

может быть,
С дальнего берега давнего прошлого
Ветер весенний ночной принесёт
тебе вздох от меня!
Цветом бакуля опавшим и плачущим
Небо тебя опечалит нечаянно, —
Ты погляди, не осталось ли что-
нибудь
После меня?..
В полночь забвенья
На поздней окраине
Жизни твоей
Погляди без отчаянья,
Вспыхнет ли?
Примет ли облик безвестного
сонного
образа, будто случайного?
...Это не сон!
Это — вся правда моя, это —
истина,
Смерть побеждающий вечный закон.
Это — любовь моя!
Это сокровище, —
Дар неизменный тебе, что давно

ещё
Был принесён...
В древний поток изменений
заброшена,
Я уплываю, — и время несёт меня
С края на край,
С берега к берегу, с отмели к
отмели...

Друг мой, прощай!
**Фрагмент «Последней поэмы» из
романа Рабиндраната Тагора
«Индийская баллада» в переводе А.
Адалис.**

В 1970 году вышло её посмертное издание «Январь — сентябрь». Через тридцать лет в Серебряной серии опубликован сборник «Бессонница. Избранные стихи и переводы 1920-1969 годов», куда также вошли посвящённые ей стихотворения, рецензии и воспоминания (составители Ю. Сергеева и М. Синельников). В последние годы в журналах, интернете всё чаще появляются статьи об А. Адалис, прошли литературные чтения в Азербайджане, в Крыму и других краях, где возрождаются её незаслуженно забытые стихи. Фрагменты «Последней поэмы» из романа Рабиндраната Тагора «Индийская баллада» в переводе А. Адалис на музыку Алексея Рыбникова прозвучали в кинофильме «Вам и не снилось» (Мосфильм, 1981 г.), став широко известной песней:

Друг мой, прощай!

Знаю, когда-нибудь с дальнего берега

Давнего прошлого

Ветер весенний ночной принесёт тебе

Вздых от меня...

Если вы услышите эти строки, примите их как привет от женщины, которая в начале творческого пути размышляла: «Быть может, наша жизнь и есть/ Посмертное существование», но в конце жизни смогла смело заявить:

Нет, мы не рождаемся с душой:

Жизнью вырабатываем душу.

Этою поправкой небольшой

Древнюю иллюзию разрушу...

Грустному преданью старины —

Вымыслу о бренности не верьте:

Смертными на свет мы рождены,

Чтобы зарабатывать бессмертье!

Алла Фаридовна БЕРНИКОВА,

отличник архивного дела КР,

В публикации использованы документы Центрального государственного архива КР, Центрального государственного архива общественно-политической документации КР, материалы из книги М. Куропаткиной «Тайны смерти русских поэтов», с сайтов «Век перевода», «10 веков русской поэзии» и др.

На снимке, открывающем публикацию: Аделина Адалис в начале своего творческого пути вместе с участниками литературного объединения «Зелёная лампа». Сидят слева направо: А. Адалис, С. Кессельман, Г. Шенгели, А. Соколовский, З. Шишова, Ю. Шенгели. Стоят слева

направо: С. Олесевич, А. Кипренский (вырезано
изображение), Э. Багрицкий, Н. Соколик. Одесса. 1919 год.